

Моей матери

*Если остался еще на свете читатель-
любитель — или вообще такой, кто просто
читает и бежит, — я прошу его или ее
с невыразимой нежностью и благодарностью
разделить посвящение этой книги
на четверых — с моей женой и детьми.*

ПОТОЛОК ПОДНИМАЙТЕ, ПЛОТНИКИ

Однажды ночью, лет двадцать назад, когда нашу огромную семью взяла в осаду свинка, мою самую младшую сестренку Фрэнни вместе с колыбелькой и прочим переселили в комнату, по всей видимости лишенную микробов: в ней я проживал со старшим братом Симором. Мне тогда исполнилось пятнадцать, Симору — семнадцать. Часа в два меня разбудил плач нашей новой соседки. Несколько минут я полежал бездвижно, не вмешиваясь, послушал рев, пока до меня не донеслось — по крайней мере, так ощутилось, — что на соседней кровати зашевелился Симор. В те дни мы на тумбочке между кроватями держали фонарик — на крайний случай, который, насколько мне помнится, никогда не выпадал. Симор этот фонарик зажег и выбрался из постели.

— Мама говорила, бутылочка на плите, — сообщил я.

Дж. Д. Сэлинджер

— Я ей давал недавно, — ответил Симор. — Она не голодная.

В темноте он дошел до шкафа и поводитил лучом взад-вперед по стопкам книг. Я сел на кровати.

— Что будешь делать?

— Думал, может, ей что почитать, — ответил Симор и взял книгу.

— Да ей же десять месяцев, елки-палки, — сказал я.

— Я знаю, — ответил Симор. — У них есть уши. Слышать они умеют.

Историю, которую Симор читал той ночью Фрэнни при свете фонарика, он очень любил — то была даосская история. До сего дня Фрэнни клянется, что помнит, как Симор читал ей:

Князь Цзиньский Му¹ сказал Бо Ло:

— Года твои преклонны. Есть ли у тебя такие сородичи, которым я могу доверить поиск лошадей?

Бо Ло ответил:

— Хорошего коня можно выбрать по общей стати и виду. Но превосходный конь — тот, что не подымает пыли и не оставляет сле-

¹ Вероятно, имеется в виду князь китайской династии Цзинь Му-хоу (Фо-ван) (811—785).

дов, — есть нечто эфемерное и мимолетное, он ускользает, как воздух. Таланты же моих сыновей вообще залегают на плане пониже: сыновья мои способны по виду опознать хорошего коня, но не сумеют опознать превосходного. Однако есть у меня друг, некто Цзю-фан Гао, торговец топливом и овощами, кой в том, что касается лошадей, ничем не уступит мне. Прошу тебя, повидайся с ним.

Князь Му так и сделал, после чего отправил торговца на поиски скакуна. Три месяца спустя тот вернулся с известием, что скакуна отыскал.

— В Шацю, — добавил он.

— Что за конь? — спросил князь.

— О, мышастая кобыла, — был ответ. Однако за ней кого-то послали, и оказалась она вороным жеребцом! В большом раздражении князь послал за Бо Ло.

— Этот твой друг, — сказал он, — которому я поручил искать коня, все перепутал. Да он не способен даже определить пол и окрас животного! Что вообще он может знать о лошадях?

Бо Ло удовлетворенно вздохнул.

— Неужто он ушел уже так далеко? — вскричал он. — Ах, тогда он равен десяти тысячам таких, как я. Никакого сравнения меж

Дж. Д. Сэлинджер

нами. Гао зрит духовное устройство. А удостоверившись в сути, забывает обыденные подробности; сосредоточившись на внутренних свойствах, упускает из виду внешнее. Он видит то, что хочет видеть, а не то, чего видеть не хочет. Он созерцает то, что должен, и пренебрегает тем, на что смотреть не нужно. Гао — столь умный ценитель лошадей, что способен оценить нечто превыше лошади.

Когда коня доставили, он и впрямь оказался превосходным животным.

Я привел здесь эту историю не просто потому, что изо всех сил непременно советую родителям или старшим братьям десятилетних малышей хорошую прозу вместо соски, — вовсе не поэтому. Ниже следует рассказ о дне свадьбы в 1942 году. Рассказ, по моему мнению, самодостаточный, у него есть начало и конец, а также смертность человеческая — все в нем свое. Однако, сдается мне, я должен отметить, поскольку сим фактом располагаю, что жениха сегодня, в 1955 году, уже нет среди живых. Он покончил с собой в 1948-м, когда проводил с женой отпуск во Флориде... Хотя, несомненно, клоню я вот к чему: после окончательного ухода жениха

со сцены мне так и не удалось припомнить такого человека, кого хотелось бы отправить на поиски лошадей вместо него.

В конце мая 1942 года потомство — числом семеро — Леса и Бесси (Гэллахер) Гласс, ушедших на покой артистов варьете сети «Пантажис»¹, разлетелось, как гласит нелепое выражение, по всем Соединенным Штатам. Я, к примеру, по старшинству второй, лежал в гарнизонном лазарете Форт-Беннинга², Джорджия, с плевритом — небольшим сувениром, доставшимся мне после тринадцатинедельной пехотной муштры. Двойняшки Уолт и Уэйкер расстались целым годом ранее. Уэйкер находился в лагере отказников в Мэриленде, а Уолт где-то на Тихом океане — либо на пути туда — со своей частью легкой артиллерии. (Мы никогда не знали наверняка, где Уолт в тот или иной миг пребывает. Переписка ему ни-

¹ «Пан т а ж и с» — сеть театров-варьете в США и Канаде, основанная в первые годы XX в. американским артистом мюзик-холла, продюсером и импресарио Александром Пан т а ж и с о м (Перикл Пантажис, 1867—1936).

² Ф о р т - Б е н н и н г («Дом пехоты») — военная база в штате Джорджия, пехотная школа Сухопутных войск США; основана в 1918 г. и названа в честь бригадного генерала Генри Беннинга.

когда не давалась, и после его смерти до нас дошло очень мало информации о нем, почти никакой. В конце осени 1945 года он погиб в Японии от невыразимо нелепого несчастного случая, какие бывают в армии.) Тяпа, старшая из моих сестер, которая хронологически идет между двойняшками и мной, служила энсином в «Волнах»¹ и время от времени бывала по службе на военно-морской базе в Бруклине. Всю весну и лето она занимала в Нью-Йорке ту квартирку, которую мы с моим братом Симором, считайте, почти забросили после призыва. Двое младших в семье — Зуи (мальчик) и Фрэнни (девочка) — жили с родителями в Лос-Анджелесе, где отец по заказу киностудии спекулировал талантами. Зуи сравнялось тринадцать, Фрэнни — восемь. Оба каждую неделю выступали в детской радиовиктори-

¹ «Волны» (WAVES, Women in the Navy) — «Женщины на флоте» (*офиц.* «Женщины на добровольной чрезвычайной службе»), организация, созданная в 1942 г. как добровольная вспомогательная служба Военно-морских сил. Во время войны члены организации имели такой же статус, как военнослужащие-мужчины, однако по закону, действовавшему до 1944 г., могли нести службу только в континентальной части страны, а также на Аляске и Гавайях. Большая часть членов этой организации служили на военных кораблях. В 1948 г. организация стала частью ВМС США.

не, называвшейся — с пикантной иронией, вероятно типичной как на одном побережье, так и на другом, — «Что за мудрое дитя». Периодически, как, возможно, мне следует здесь упомянуть, — точнее, в тот или иной год, — все дети в нашей семье еженедельно выступали наемными «гостями» программы «Что за мудрое дитя». Мы с Симором появились там первыми еще в 1927-м, в восемь и десять лет соответственно: программа тогда «выпускалась» из одного зала для собраний старого отеля «Мёрри-Хилл». Всемером мы все, от Симора до Фрэнни, выступали под псевдонимами. Что может показаться несколько аномальным, если учитывать, что породили нас артисты варьете — секта, обычно не чурающаяся публичности, — но мама однажды прочла в журнале статью о тех крестиках, которые приходится тащить детям-профессионалам, — об их отчуждении от нормального, предположительно желанного общества, — и по этому поводу стояла на своем железно, ни разу, ни единожды не отступив. (Сейчас отнюдь не время дискутировать, следует ли большинство или даже всех детей-«профессионалов» объявлять вне закона, жалеть или без лишних угрызений казнить как нарушителей спокойствия.

В данный момент я сообщу только, что наш совокупный доход от программы «Что за мудрое дитя» позволил шестерым нам закончить колледж, а седьмая сейчас в процессе.)

Самый старший наш брат Симор — почти исключительно о нем я и веду нынче речь — служил капралом в тех частях, что в 1942 году еще назывались «Авиационным корпусом»¹. Расквартирован Симор был на базе «Б-17» в Калифорнии, где, как я *предполагаю*, трудился ротным писарем. Можно добавить, причем не вполне в скобках, что в семье он безусловно был самым неплодовитым корреспондентом. Пожалуй, за всю жизнь у меня и пяти писем от него не наберется.

Утром, либо 22-го, либо 23 мая (письма в нашей семье никто никогда не датировал), в ногах моей койки Форт-Беннингского лазарета оказалось письмо от сестры моей Тяпы; мою диафрагму в тот миг обматывали клейкой лентой (обычная медицинская процедура для больных плевритом, предположительно гарантирует, что пациент не развалится от кашля на куски). Когда попытка завершилась, я прочел письмо. Оно сохранилось у меня до сих пор и ниже приведено дословно:

¹ «Авиационным корпусом армии США» ВВС США назывались с 1926 по 1941 г.

Дорогой Дружок,
я ужасно тороплюсь паковать вещи, поэтому письмо короткое, но по делу. Адмирал Задощип решил, что в целях помощи фронту должен слетать в неведомые дали, и придумал взять с собой секретаршу, если я буду паинькой. Меня от такого просто с души воротит. Ладно Симор — там будут бараки из гофры на промерзлых авиабазах, мальчишеский кадрж наших воинов и эти кошмарные бумажные штуки в самолетах, куда тошнят. Но штука в том, что Симор женится — да, женится, так что не отвлекайся, пожалуйста. Я там быть не смогу. Из-за этой поездки отсутствовать я буду сколько угодно — от полутора месяцев до двух. Девицу я видела. По-моему, она полный ноль, но выглядит потрясно. На самом деле я не знаю, ноль она или нет. В смысле, за весь тот вечер, когда мы познакомились, она едва произнесла два слова. Только сидела, улыбалась и курила, поэтому так говорить нечестно. Про их роман я совсем ничего не знаю, кроме того, что встретились они, явно когда Симора зимой отправили в Монмут¹. Мамаша — конец всему, затычка во всякой художественной бочке,

¹ Форт-Монмут — американская военная база в округе Монмут, Нью-Джерси, основана в 1917 г.